

чающее культуру мышления, культуру чувств, коммуникативную и поведенческую культуру, основывающееся на ценностях ответственности, свободы, личностной автономии и самореализации и проявляющееся в оптимальных, соответствующих контексту стилях поведения в конфликте, обеспечивающих конструктивное решение проблем межличностного взаимодействия» [5, с. 26];

- профессионализация, нацеленная на совершенствование личности в профессиональной сфере, на непрерывное самообразование, умение применять теоретические знания на практике, открытость к новому в своей профессии, мотивированность на профессиональный рост;

- рефлексия, т.е. самосознание, эмпатия, расширение знаний о закономерностях функционирования и развития общества и социальных, межличностных отношений, о системе взаимоотношений между обществом, человеком и природой, наличие личностного смысла, вбирающего в себя индивидуально-личностные, социальные и природные основания;

- общение в различных социальных стратах, общностях, группах, формирование интереса и толерантного отношения к разным верованиям, культурам, этносам, развитие необходимости в общении с природой и природными объектами;

- идентификация, отождествление себя с различными социальными ролями, статусами, позициями, представителями различных этносов и верований, с социумом как единым организмом и объектами живой и неживой природы (формирование ноосферного мышления);

- деятельность, практическое участие в социально значимой работе, в интеллектуальных клубах, профессионально-лидерских кружках, стройотрядах и др.;

- моделирование социально-экологических ситуаций, деятельности в процессе обучения;

- создание профессиональной элитизирующей образовательно-воспитательной среды в высших учебных заведениях.

Список литературы

1. Карабуценко Н. Б. Уровни элитологического формирования личности / Н. Б. Карабуценко // Вестник РУДН. – 2011. – № 4. – С. 12–16. – (Серия: Психология и педагогика).
2. Карабуценко Н. Б. Элитологическое сознание как разновидность индивидуального сознания личности / Н. Б. Карабуценко // European Social Science Journal. – 2011. – № 5. – С. 239–244.
3. Лентьев Д. Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность / Д. Лентьев // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В. И. Кабрина, О. И. Муравьевой. – Томск : Томский государственный университет, 2004. – С. 11–29.
4. Режим доступа: <http://www.kluver.ru/publ/30-1-0-179>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Щербаква О. И. Психология конфликтологической культуры личности специалиста: формирование в контекстной образовательной среде : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / О. И. Щербаква. – М., 2011. – 46 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОСТОВСКОЙ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

А.В. Понделков, А.М. Старостин
(Россия, Ростов-на-Дону)

В статье представлены результаты реализации социологических проектов, осуществленных в регионах Южного федерального округа, исследующих различные аспекты деятельности региональных административно-политических элит. Материалы статьи прошли апробацию на IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» (2–4 февраля 2012 г.) на заседании секции «Социология элит», где один из авторов (проф. А.М. Старостин) выступил с совместным докладом, другой (проф. А.В. Понделков) осуществлял руководство секцией.

In the article the results of sociological projects implemented in the regions of the Southern Federal Okrug and studying different aspects of the regional administrative – different aspects of the

regional political elites activities are presented. The materials of the article were approved at the IVth All-Russian sociological congress "Sociology of the elite", where one of the authors (Prof. A.M. Starostin) made a report on behalf of both authors, the other (Prof. A.V. Ponedelkov) ran the work of the section.

Ключевые слова: административно-политическая элита, социология элит, элитная субстанция, региональный контекст.

Key words: administrative-political elite, sociology of elites, elite substance, regional context.

В современной российской социологии и политической науке одним из оригинальных исследовательских направлений выступает элитология.

В постсоветское время в стране сложились несколько центров (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Астрахань, Пермь), в которых было реализовано значительное количество проектов, изданы монографии, защищены докторские и кандидатские диссертации [3, с. 279–296].

В ростовской научной политологической школе исследования по элитологической тематике регулярно проводятся с 1990-х гг. За этот период в диссертационном совете защищены три докторских, 20 кандидатских диссертаций, в которых исследуются региональные политические элиты и их взаимодействие с другими элитными группами и слоями; членами элитологического сообщества ростовских ученых опубликовано более 300 научных работ, в числе которых более 20 индивидуальных и коллективных монографий; более 10 крупных научно-социологических проектов. Издаётся ежегодник «Элитологические исследования». Школа получила признание на федеральном уровне [3, с. 56–58; 4, с. 56–57]. В ней сосредоточено до 40 % защит по политическим наукам в Южном федеральном округе и до 4–5 % защит – в масштабе страны; здесь аккумулируется опыт подготовки высококвалифицированных кадров, взаимодействия науки и практики.

Критерии научной школы выражают следующие характеристики: 1) наличие оригинальной теории, концепции или инструментально-методического комплекса, на базе которых преемственно осуществляются индивидуальные и коллективные исследования; 2) наличие научного лидера, способного выдвинуть оригинальную концепцию или метод решения тех или иных проблем или научных задач; 3) наличие коллектива (в более широком плане – ассоциации) ученых, работающих в рамках базовой концепции, методологии, проблематики; 4) общественно-научное признание школы; 5) ее самопрезентация, сформированность коллективной идентичности; 6) достойная научно-публикационная презентация и преемственность, отражаемая индексом цитирования; 7) влияние школы на развитие как фундаментальных, так и прикладных научных исследований в рамках отдельной научной дисциплины, научного направления [2, с. 244–265].

Научная школа – это наиболее эффективная и влиятельная форма самоорганизации науки.

Ростовской элитологической школой ведется системная разработка методологии элитологических исследований, выработаны принципы социальной и антропологической детерминации элит, их цивилизационного своеобразия; принципы циркуляции и олигархизации элит; принцип консолидирующих механизмов в элитогенезе и жизнедеятельности элит; идеалов и норм научной рациональности; наконец, методологической референтности субъекта-исследователя [5].

Опора на элитологические принципы и теоретические модели, выработанные в рамках научной школы, позволяет операционализировать основные концепты в ряде социологических проектов, которые упоминались выше.

В рамках этих проектов проводились опросы населения в регионах Юга России и в ряде других регионов страны, интервьюировались представители элиты и эксперты, использовались методы наблюдения, биографический метод и др. В результате зафиксированы основные характеристики региональной административно-политической элиты, особенности некоторых других элитных групп. Характеристики российских элитных групп, как и общества в целом, мозаичны и весьма различаются в зависимости от региона, их вряд ли возможно описать какой-либо одной унифицированной

моделью. В российских регионах закладываются различные стержневые составляющие элит. Можно, например, говорить об этнократических элитах республик, административных элитах русскоязычных областей. В ряде регионов у власти находится либо элита бизнеса, либо сами губернаторы стали таковыми, либо элита, приватизировавшая власть. Некоторые региональные элиты представлены силовиками.

Анализируя характеристики современных региональных элит с применением методов социологии, имеет смысл обратиться к данным, касающимся образа политических элит, формирующегося в общественном мнении. Остановимся на результатах одного из последних наших социологических проектов (Опрос был проведен в сентябре-октябре 2009 г. в 13 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа. Опрошено 673 респондента из числа государственных служащих, депутатов представительных органов, руководителей общественных организаций и движений).

Выявленные тенденции проявлены не только в данном, но и в более ранних опросах населения и экспертов по аналогичной методике. Они оказываются устойчивыми по меньшей мере последние пять лет, что указывает на устойчивую диспозицию в системах «население» – «элиты», «власть» – «население».

Анализ содержательных оценочных позиций, проявившихся в последние годы, показывает заметное расхождение в оценках состава и деятельности элит по оси «сущее – должное». Сущее – это достаточно низкая оценка деловых и человеческих качеств элитного сообщества и очень низкая – гражданских. Обозначился острый запрос на элиту гражданственную, профессиональную, сформированную по заслугам и достижениям, конкретно реагирующую на интересы и запросы общества. Наличие таких устойчивых «ножниц» в оценочном контексте свидетельствует о существенных предпосылках делегитимизации власти, которая может проявиться в острой форме. Данные этого и предшествующих опросов позволяют обоснованно говорить о современных российских элитах как о *протоэлитном образовании*. Ни состав, ни стиль управленческой деятельности, ни легитимность современных элит не являются устоявшимися. А по ряду показателей элиты проявляют себя в девиантных формах. Что, скорее, характеризует маргинальные слои, нежели привилегированные.

Пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит в целом известны, но блокируются рядом влиятельных групп внутри самого элитного сообщества. Надежды на разблокирование таких действий респонденты возлагают, прежде всего, на высших руководителей страны, которым предстоит реформировать и систему управления, и кадровую политику.

Значительный интерес представляет сопоставление полученных данных с результатами, которые были получены нами более 15 лет тому назад [1]. Несмотря на существенное сходство использованного инструментария, полностью корректного сопоставления здесь добиться сложно, но ряд тенденций общего плана высвечивается достаточно отчетливо.

Обращают на себя внимание изменения в источниках формирования состава элит и их управленческом опыте. За прошедшие 15 лет произошло обновление региональных элит. От рычагов управления постепенно ушла основная ее страта, получившая первичный управленческий опыт в партийно-советской системе. Она замещена людьми, получившими первичный опыт в структурах современной администрации. По экспертным оценкам представителей самой региональной элиты, удельный вес последней страты вырос почти вдвое, достигнув более 35 % от общего состава. Он почти уравновесил слой управленцев, получивших серьезную закалку на партийно-советской и комсомольской работе (в настоящее время их около 30 %). В то же время слой, прошедший управленческую социализацию в прежней социально-политической системе, за прошедшее десятилетие сократился почти в два раза.

Заметно ослаблены составляющие технократического влияния на региональное управление. Если в 1993 г. более 27 % опрошенных указывали на производственный опыт как на серьезную школу управления, то в 2009 г. таких осталось не более 16 %. Это подтверждается и данными об образовании. Впервые за 15 лет численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех,

кто имеет техническое и естественнонаучное образование. Сведения о востребованности тех или иных блоков знаний указывают на то же. Если в 1993 г. около половины опрошенных указывали на недостаточную компетентность в сфере экономики и права, то в настоящее время таковых насчитывается менее 25 %. В то же время, выросла значимость таких блоков, как информационное обеспечение руководства и искусство делового общения.

Существенно изменилась за 15 лет оценка представителями региональной элиты основных «центров власти» в регионе. Если ранее первая тройка выглядела так («кому реально принадлежит власть в регионе?»): «коррупцированная часть аппарата управления – мафия, криминальные структуры – глава региональной администрации», то сейчас это: «глава администрации – богатые люди, коммерсанты, банкиры – коррупцированная часть аппарата управления». Причем оценка влияния такого «центра власти», как глава администрации, возросла за десятилетие в 2,5–3 раза (превысив 40 %). В то же время оценка *влияния* регионального законодательного органа мало изменилась, сохранившись на уровне 9–10 %. Существенно (в 4–5 раз) снизилась оценка влияния прежней партноменклатуры. Это выразилось и в оценке источников формирования современной региональной элиты, где бывшей партноменклатуре уделяют свое внимание менее четверти опрошенных. Произошли и значительные подвижки в представлениях о ценностно-идеологической направленности современного политического руководителя.

За 15 лет практически осталось неизменным предпочтение руководителей «прагматиков» (до 36 % опрошенных против 35 % 15 лет назад) и существенно снизилась ориентация на лидеров-«патриотов» (до 44 % против 61 % в прошлом). В то же время предпочтение «диктаторов» осталось на прежних позициях (соответственно 5–6 %).

Существенно упали рейтинги лидеров-«либералов» (с 25 до 10 %). И еще одно в оценках привлекает внимание – изменение роли факторов, определяющих прочность пребывания в эшелонах власти. Если 15 лет назад безусловное лидерство принадлежало умелой микросоциальной и макросоциальной ориентации («умение улавливать и защищать интересы людей» и «умение поддерживать неформальные отношения с людьми»), то ныне на ведущих позициях – лояльность политическому режиму и профессионализм.

Таким образом, за прошедшие 15 лет региональные элиты значительно обновились и в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном измерениях. Они стали менее гетерогенными по своим политико-идеологическим ориентациям, они более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов, более адекватны в профессиональном отношении, хорошо ориентируются в современных экономических и правовых реалиях, более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу.

В то же время произошла апробация и оценка силовой составляющей политических элит в роли политических лидеров и руководителей, которая дала противоречивые результаты, но, скорее всего, носила тактический характер.

Однако региональной бюрократии так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты. Ими не стали ни новая партийная система, ни сама система административной карьеры, ни силовые структуры. По нашему мнению, в ближайшей перспективе осуществится рекрутирование в высшие эшелоны региональной власти представителей бизнеса, прошедших ранее школу нового государственного администрирования и ушедших на время с государственной службы.

Проведенные исследования поставили и ряд проблем, завязанных на методологию и методику исследования современных российских элит.

В центре внимания находится проблема выявления «элитной субстанции», поскольку в современной российской действительности в глаза бросается принципиальная «неэлитарность» социального слоя, включаемого в состав элит. Создается впечатление, что в российских условиях главную роль в генерировании элиты играют своеобразные «элитные операторы» или, говоря математическим языком, функ-

циональные системы, возводящие в элитный ранг практически любого индивида, включенного в область их действия. Отсюда и акцент в современных российских элитологических исследованиях на методы позиционного анализа, ориентация на статусные позиции в анализе элит и лидеров, в комментариях и прогнозах по поводу их деятельности. Анализ картины элитного сообщества, составленной с использованием композиции основных методов (позиционный, репутационный, биографический, изучение конфиденциальных и конституэнтных сетей), показывает гетерогенный характер элитного сообщества, действие разнородных механизмов генерирования лидерских и элитных групп и несформированность капитально-социального влияния, позволяющего консолидировать общество.

Вместе с тем, и общество, находясь в несформированном, гетерогенном состоянии, не в состоянии пока выработать относительно интегрированные механизмы легитимации и признания элитных групп и программ их деятельности. В связи с этим возникла идея обобщить и сконцентрировать основные суждения и прогнозы отечественных элитологов с помощью кратких интервью.

В июле-августе 2007 г. мы получили ответы от 25 ученых-элитологов на открытые вопросы, касающиеся оценки состояния и динамики изменений современных российских элит и прогнозов возможных изменений, а также оценок состояния российской элитологии и перспектив ее развития. В список экспертов вошли как известные российские элитологи, так и молодые исследователи, имеющие ученую степень.

Оценивая конфигурацию власти в современной России с позиций моделей Р. Миллса и Р. Даля, опрошенные элитологи склоняются к тому, что пока в России работает модель Р. Миллса и власть сконцентрирована в руках элит. В то же время, около четверти опрошенных экспертов предлагают тот или иной промежуточный вариант ответа, полагая, что предложенная «черно-белая» палитра оценок не позволяет оценить всю сложность и неравномерность властных диспозиций.

Последующие вопросы интервью и предложенные ответы, оценки, суждения позволили нарисовать более дифференцированную картину состояния различных элит в современной России и оценить динамику их изменений.

Мы обратили внимание на административные и политические элиты, влияние которых в России традиционно оставалось наибольшим. Ответы на вопрос: «Что Вы можете сказать, исходя из своих наблюдений, о динамике изменений современных российских административных и политических элит?» позволили выстроить их в режим заочного «круглого стола».

На одном полюсе сконцентрировались суждения, обращающие большее внимание на «негативные» аспекты, отрыв элит от населения и их замыкание на собственных интересах, корруппизация и, как полагают некоторые эксперты, даже деградация элит. Второй полюс суждений по данному вопросу интервью образуют оценки и наблюдения, не несущие явно выраженной ценностно-оценочной нагрузки. Это констатация структурных и функциональных изменений в постсоветских административно-политических элитах.

Важным аспектом проблемы генезиса постсоветских элит является вопрос об их преемственности с советской номенклатурой. В связи с этим был задан вопрос: «В первые постсоветские годы в составе административной и политической элиты было сильно влияние и присутствие прежней номенклатуры. Кто идет ей на смену?»

Ответы интервьюируемых экспертов обозначили два основных полюса позиций: мнению о том, что рано еще говорить о смене, поскольку влияние прежней номенклатуры пока еще достаточно велико, противостояло иное, согласно которому динамика смены элит все же весьма высока, и следует говорить о приходе к власти людей новой формации. При этом вторая позиция дополнялась соображениями о том, что влияние образцов прежней властной системы на организацию новой оказалось велико, и на новом этапе вновь воспроизводятся формы, подобные прежним, так что номенклатурная система оказывается как бы «вечной».

В связи с вышеизложенными мнениями немаловажным представлялось оценить роль ценностных факторов в консолидации новых элит. Если роль идеологического

фактора в воспроизводстве советской номенклатуры представлялась первостепенной, то что характерно в этом плане для постсоветской элиты? Суждения, высказанные экспертами по этому поводу, сводятся к трем основным позициям: а) эклектичность ценностных позиций элиты; б) ценностные устремления элит сконцентрированы на удержании собственности, богатства и власти; в) идет выработка новой идеологической платформы, контуры которой уже обозначились. Детализация обозначенных моделей дает достаточно объемное описание ценностных характеристик современных российских элит.

Относительно прогноза ожидаемых изменений элитологической ситуации отметим, что поскольку в России не сложилось устойчивой традиции публичной политики, многие аспекты внутриэлитных и межэлитных взаимодействий находятся в неформальной и теневой плоскостях. Их наиболее сложно «вычислить» и спрогнозировать будущее развитие. Поэтому мы попросили экспертов прокомментировать вопрос: «В России всегда значительный *удельный вес* занимали теневые взаимоотношения элит. Поэтому многие радикальные изменения в российской власти в XX в. казались неожиданными. Ждут ли нас в ближайшие годы подобные изменения?».

Оценки экспертов оказались различными. На одном полюсе обозначились ожидания изменений даже в ближайшей перспективе. На другом – *мнения* о достаточно прочном и стабильном состоянии в элитном сообществе и власти, где трудно ожидать серьезных изменений, разве что малозначительных. При этом большая часть наших экспертов ориентирована на ожидание изменений и связывает их не только с «окнами возможностей», но и с непрекращающейся внутриэлитной и межэлитной борьбой.

Что касается более объемного или разнонаправленного прогноза, то эти возможности были заложены в вопросе: «Исходя из Ваших знаний, наблюдений, интуиции, каких изменений можно ожидать в конфигурации российских элит в ближайшие годы?»

Часть экспертов в своих ответах обозначила элементы конструктивного обновления в составе элит и в межэлитных взаимодействиях. Их основной вектор связывается с формированием поля публичной политики и большим вниманием к решению проблем общенационального характера.

Анализируя оценки удач и неудач в деятельности российских элит, мы остановились на рассмотрении выделяемых экспертами позитивных характеристиках элит и их деятельности, которые условно разделяются на качества стратегического свойства и тактические сдвиги (отдельные подвижки). Около трети экспертов выделили именно стратегические перемены или надеются на то, что обозначенная тенденция станет устойчивой. Другая группа экспертов предпочла выделить отдельные качества.

Критические высказывания оказались менее разнообразными и более эмоциональными: одни эксперты акцентировали внимание на своего рода системных недостатках, устранимых только в случае существенного реформирования социально-политической системы, другие – на примерах ситуативного и локального негатива.

Относительно проблем улучшения качественного состава элит, небольшая часть экспертов затронула проблемы изменения механизмов элитного рекрутирования и общей системы отбора и продвижения элитных кадров.

Что касается проблемы повышения действенности и эффективности элит, то предложения экспертов затронули как меры системного порядка, так и интенсивную работу по отдельным наиболее актуальным направлениям. По мнению большинства, речь может идти только об активизации действий высшего руководства страны в русле мер, им же самим и обозначенных.

Социология элит считает принципиально важным знание об отношении населения к элитам. С этой целью в июле 2007 г. был проведен опрос населения в 11 субъектах РФ, входящих в состав Южного федерального округа, а также в трех регионах других федеральных округов (Белгородская область, Челябинская область, Алтайский край) по репрезентативной выборке, разработанной в социологическом центре РАГС при Президенте РФ. В регионах ЮФО опрошено свыше 1600 респондентов, в субъектах РФ других федеральных округов – по 400 респондентов. Результаты опроса позволяют выделить ряд общих тенденций в отношении населения к элитам и,

вместе с тем, увидеть различие оценок по одним и тем же основаниям, что связано, очевидно, с ситуацией в конкретном регионе.

Обращаясь к общим тенденциям, отметим, что сами ответы на вопросы могут быть сформированы в три основных проблемно-тематических блока: 1) представления и знания населения о современных элитах; 2) оценка эффективности деятельности современных российских элит; 3) программа мер по совершенствованию состава и эффективности деятельности современных элит.

Остановимся на анализе ответов из первого проблемно-тематического блока. Сразу отметим такую позицию, как степень осведомленности об элитах. Как нетрудно предположить, основываясь на знаниях об основных источниках информирования, населению более всего знакома деятельность, с одной стороны, представителей федеральной административно-политической элиты (около 50 %), а с другой – местной элиты. О первой постоянно информируют федеральные и местные СМИ. О второй легко составить представление, исходя из своего непосредственного опыта и местных СМИ, которые, как показывают многочисленные социологические замеры, пользуются немалым вниманием населения. Что касается наиболее скудной информации, то она касается деятельности хозяйственно-государственной элиты федерального и регионального уровня.

Это показывает, что, несмотря на существенные изменения и в структуре социально-экономических процессов в стране, и в деятельности СМИ, соотношение рейтингов политических и экономических факторов в стране за многие годы мало изменилось. Как и в начале XX в., и в его середине, и в начале XXI в. в России приоритетным положением, и вследствие этого – особым вниманием пользуются политические факторы. Приоритет политики над экономикой в опросе отмечается не только в сознании населения, но и в суждениях экспертов. Ранжирование уровней знания о различных элитах у экспертов идентично представлениям населения; это же можно сказать и об их оценках «центров власти и влияния» на региональном уровне. Единое мнение населения и экспертов выражается формулой: власть принадлежит «команде регионального главы и прикормленному бизнес-элитой чиновничеству». Сама бизнес-элита региона занимает третье место и давно уже поняла как степень своего реального влияния на власть, так и то, что выше ей не подняться. Что касается демократического компонента властных структур, которые избираются населением (региональные законодательные собрания, региональные отделения партий), то и население, и эксперты отводят им еще более скромные позиции.

Несколько расходятся позиции населения и экспертов в оценках ближайшей перспективы во взаимодействии элит между собой и с населением. Если у населения надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться, еще не умерла (на это надеется около 41 % опрошенных – и это первая ранговая позиция), то для экспертов более существенными проявлениями выступают «лояльность режиму» (20 %) и «профессионализм» (18 %). Что касается ориентации на интересы граждан, то оценки экспертов очень близки к оценкам запросов на профессионализм. Впрочем, внутри первой ранговой тройки и у населения, и у экспертов различия незначительны.

Это подтверждается и в ответах на вопрос: «Каким основным требованиям должна удовлетворять элита?». Здесь и население, и эксперты единодушны и про-ранжированные оценки первого ряда выражаются тетрадой: «Профессионализм – образованность – высокая нравственность – патриотизм». Правда, население отводит профессионализму гораздо больший удельный вес (около двух третей опрошенных), нежели эксперты (22 %). Но и та, и другая категории отводят данному качеству первое место. Граждане, как и в ответах на предыдущий вопрос, хотели бы видеть ориентированность элиты на социальную справедливость и учет интересов разных социальных групп (пятая по ранговой значимости позиция).

Несмотря на многие риторические пассы и усилия СМИ, в общественном мнении вполне адекватно отражаются и реальные властные позиции в элитном сообществе, и первоочередной запрос на качественный состав и эффективную деятельность

элит. Этому выводу имеется ряд подтверждений. В частности, около половины опрошенных граждан разделяют позицию, согласно которой федеральная и региональные элиты не вполне соответствуют качественным критериям и требованиям, предъявляемым к элитному слою.

Характерны и ответы на вопрос о стабильности положения современной российской элиты. Наибольший удельный вес принадлежит оценкам, фиксирующим некоторую неустойчивость элит. Так думает свыше 40 % граждан и около 50 % экспертов. Более определенные оценки (либо – «стабильно», либо – «нестабильно»), вполне сопоставимы: так полагает около пятой части опрошенных.

В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, наблюдается парадокс: население значительно выше ценит «разруливание» элитой возникшей ситуации, нежели ее профилактику, недопущение ее возникновения. Так, большинство опрошенных (свыше 60 %) выделило «умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку». А вот «чуткости к проблемам населения» (21–25 %), умению «патронировать развитие местного бизнеса» (16–24 %) отведены низшие места в рейтинге.

Подобная градация достоинств определяется все еще незавершенным переходным периодом с его конфронтационно-конкурентным фоном, большей востребованностью «пожарных мер», а не повседневной конструктивной деятельности элит.

Ранжирование ответов на «зеркальный» вопрос о недостатках элит подтверждает сказанное. В ответах этого ряда гораздо меньше парадоксов. Ведущая тройка недостатков, отмечаемых населением, остается неизменной в течение ряда последних лет: «Корруптированность – недостаточный профессионализм – подбор руководства по родственным и приятельским признакам». Аналогичная картина формируется и ответами экспертов, что, по сути, обозначает изначальную «родовую травму» постсоветских элит, сформировавшихся не на принципах меритократии, а в жестокой борьбе за передел государственной собственности и власти. Поддержки со стороны общества при этом не требовалось. Более того, постсоветские элиты сделали все, чтобы максимально изолировать общество от «большого передела». Остается лишь надеяться – вместе с населением и экспертным сообществом, – что в близкой перспективе возникнут условия для востребованности совсем других качеств элит, на что указывают респонденты в ответах третьего проблемно-тематического блока.

В предлагаемых мерах по совершенствованию состава и эффективности деятельности современных российских элит отметим ответы респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, сформировался высший слой административного руководства Вашего региона?» Здесь отражена позиция, о которой мы говорили выше. На первом месте – «К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы» (41 %). На втором – «В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации» (39 %). Правда, предложенный для выбора вариант ответа не фиксирует, в чем отличительные черты «руководителей новой формации», что дает респонденту возможность скрыть свою позицию за этой «неопределенностью». Третья ранговая позиция носит более определенный характер – «В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность» (30 %), – так сказать, «идеологические оборотни». Что касается оценки влияния механизмов, которые традиционно относят к меритократическим и демократическим, действие которых ведет к отбору более профессиональных и некорруптированных политиков и чиновников, то лишь чуть более 18 % населения указывает на их влияние на формирование современной российской политико-административной элиты. Аналогична и позиция экспертов.

Преобладание в общественном мнении оценок, указывающих на выдвигание в состав российских элит различного рода «оборотней», подтверждается и в ответах, отмечающих опасность дальнейшего проникновения в элиту представителей криминальных кругов. Более 40 % опрошенных считают подобную угрозу значительной.

Что же нужно сделать для улучшения качественного состава элит? Респонденты указывают на механизмы кадровой политики и культурно-образовательные факторы:

а) конкурсный отбор на основе профессионализма и компетентности (55 %); б) повышение образовательного уровня (47 %); в) продуманная кадровая политика под контролем центра и администрации федерального округа (46 %). Эксперты фактически разделяют такой подход.

Однако граждане ясно понимают, что желаемые изменения произойдут не сразу.

Отвечая на вопрос: «Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в высших эшелонах власти?», они демонстрируют вполне реалистический подход: а) богатство, деньги – 47 %; б) профессионализм – 45 %; в) престижное образование – 30 %; г) лояльность политическому режиму – 28 %.

Такого рода двойственность отражается и в выборе качеств «идеального руководителя». Среди ответов на вопрос: «Какой тип человека больше соответствует Вашему представлению о современном политическом руководителе?» абсолютное предпочтение было отдано таким типажам, как «Патриот» (46 %) и «Прагматик» (34 %). Типажи «Либерал» и «Диктатор» получили уровень предпочтений чуть более 13 % каждый. Аналогичная картина в ответах на этот вопрос среди экспертов.

Что касается мер, предлагаемых респондентами для повышения эффективности деятельности элит, то они носят разноплановый характер. Наиболее важной мерой население считает улучшение качественного состава элит, с опорой на профессионализм и деловитость (51 %). Далее следуют меры, направленные на блокирование механизмов криминального воздействия на элиты (46 %) и, затем, меры административно-управленческого порядка – личная ответственность за невыполнение обязанностей и поручений (43 %), контроль сверху (39 %).

Кто же в первую очередь должен запускать действие этих механизмов и контролировать их эффективность? По мнению граждан – это государственные и местные органы власти (59 %), силовые ведомства (50 %), СМИ (38 %). Что касается политических партий, институтов гражданского общества, то им отводится гораздо меньшее место (от 9 % до 23 %).

Различия во мнениях населения различных регионов незначительны и отражают, в основном, отдельные аспекты местной специфики. Наиболее наглядно это просматривается при сопоставлении ряда регионов ЮФО. Например, Центрального, к которому отнесены жители ряда республик (Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания) и «славянских» субъектов РФ Западного региона ЮФО (Краснодарский и Ставропольский края).

Так, в оценках «центров власти» жители республик большее место отводят представителю Президента РФ – 4-е ранговое место – 21 %. А жители «славянских» субъектов отводят влиянию представителя Президента в системе региональной власти более скромное место (7-я ранговая позиция, 17 %). Среднее значение по ЮФО – 20 %.

В ранжировании факторов, определяющих прочность положения во власти, население республик отдает больший приоритет влиянию «богатства, денег» (2-я ранговая позиция, 38 %), а население «славянских» субъектов оценивает значимость этого фактора ниже (5-я ранговая позиция, 30 %). Среднее значение по ЮФО – 36 %.

Касаясь основных требований, которым должна удовлетворять элита, жители республик сравнительно ниже оценивают значимость фактора «высокой нравственности» (8-я ранговая позиция, 26 %), в то время как «славяне» дают более высокие оценки (3-я ранговая позиция, 33 %). Среднее значение по ЮФО – 34 %. Несколько большие расхождения связаны с ответами на вопрос о том, что региональные элиты по качественным критериям не вполне соответствуют своему статусу. Так, 58,4 % жителей республик согласны с этим, но лишь 46,1 % жителей «славянских» субъектов разделяют эту позицию при среднем значении по ЮФО – 49,1 %.

Жители республик намного чувствительнее относятся к «подбору руководства по родственным и приятельским признакам» (46 % при 30,3 % у «славян» и 37,3 % в среднем по ЮФО).

Весьма отличаются и предпочтения предлагаемых типов руководителя: у жителей республик гораздо больший запрос на «Патриотов» (56,8 % против 39,9 % у «славян» и 45,8 % в среднем по ЮФО), а население «славянских» субъектов почти в

равной степени предпочитает и «Патриотов» и «Прагматиков» (36,3 % против 29,6 % среди жителей республик).

У нас была возможность с помощью наших партнеров опросить жителей Белгородской, Челябинской областей и Алтайского края, находящихся в составе других федеральных округов. Сопоставление их мнений по наиболее характерным позициям анкеты показывает, что основные тенденции сохраняются во всех наблюдаемых регионах РФ. Думается, что эти тенденции будут наблюдаться повсюду в российской провинции.

Список литературы

1. Административно-политическая элита региона (социологический анализ). – Ростов н/Д., 1995.
2. Мирская Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы / Е. З. Мирская // Наукоедение и новые тенденции в развитии российской науки. – М., 2005.
3. Пляйс Я. А. Политология в контексте переходной эпохи в России / Я. А. Пляйс. – М., 2009.
4. Чирикова А. Е. Региональные элиты России / А. Е. Чирикова. – М., 2010.
5. Элиты и будущее России: взгляд из регионов. – Ростов н/Д., 2007. – Вып. 1.

О НЕОБХОДИМОСТИ КАРДИНАЛЬНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ВСЕВЛАСТИЯ БЮРОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.А. Ющенко
(Россия, Астрахань)

Основным содержанием данной статьи является анализ места и роли бюрократии в управлении и развитии современной России. Показывается системная неэффективность бюрократии в управлении общественными процессами, подмена ею общественных интересов своими, корыстными интересами. Ставится проблема жесткого ограничения ее всевластия со стороны гражданского общества в первую очередь путем кардинального изменения политической системы, а затем и всех других сфер жизнедеятельности людей.

The main content of this article is the analysis of the place and role of bureaucracy in the management and development of modern Russia. The author shows the ineffective system of bureaucracy in the management of social processes, the substitution of the social interests by its own, vested interests. The author poses the problem of rigid restriction of absolute power from the part of civil society by a radical change of political system at first, and then in all of other spheres of human activity.

Ключевые слова: бюрократия, политическая элита, политическая реформа, гражданское общество, власть, народ, реформа, кризис, совесть.

Key words: bureaucracy, the political elite, political reform, civil society, government, people, reform, crisis of conscience.

Наиглавнейшим в настоящее время является кардинальная реформа политической системы. Обязательным должно стать реальное, а не формальное разделение властей и непременно политическая конкуренция, которая должна стать основой ликвидации коррупции (и начинать надо с конституционной реформы, демократическое содержание которой было выхолащено «Единой Россией» за последние годы по указу «кукловодов из Кремля»). Следующим шагом на пути реформирования России должно стать конструктивное развитие гражданского общества: необходимо перейти от бытующей точки зрения о фатальной неспособности российского народа к самоорганизации к идеи неизбежного возникновения в РФ гражданского общества. Развитое гражданское общество – самая страшная угроза для бюрократии и одновременно для адекватной элиты – спасение от бюрократического произвола (в последнем случае мы видим временное совпадение их интересов).

Кардинальное реформирование политической системы начинать надо с изменения формата Конституции РФ, содержание которой постоянно выхолащивалось правящей элитой. В итоге мы имеем президента, наделенного почти неограниченными полномочиями, и не имеет никакого значения кто персонально занимает эту должность. В этом случае политические решения определяет ни парламент, ни политические партии, ни избиратели, а приближенные к президенту «элиты», определяемые